

Уничжительная оценка, данная в нашей газете деятелю с говорящей фамилией Солженицын (см. «КС», №51), не могла не оставить город равнодушным. Несмотря на то, что обратную связь читателей и газеты вызывают чаще всё-таки негативные эмоции, могу с удовлетворением констатировать, что редакция получила отклики читателей, которые благодарили газету за заметку, и таких звонков было значительно больше.

Похороны Солженицына, здоровье которого было столь сильно надорвано ГУЛАгом, что он дожидался 90 лет, прошли, как и ожидалось, роскошно: пышно, в стиле бржевневских, с переименованием улиц, обещанием побольше пихать Солженицына в школы, завываниями в дурсопеле, и прочими отпеваниями. Ещё одного известного персонажа прошлой весной хоронили похожим образом, с переименованиями и памятниками, а народ тем временем растерянно стоял с осиновым колом — мол, как же так...

Ну так вот, а на днях со смехом прочитал в одной из городских газет «ответную» заметку, в которой поклонники кумира, отошедшего о прошлом месяце в верхнюю тундру, огрызаются на «Колочий Саров». Да как же мы, мол, моськи, посмели, на глыбу и человечине, ну и всё такое прочее (какой он великий и молодец). Запудрить мозги парой восторженных отзывов и вольными интерпретациями можно многим читателям (значимых фактов в заметке не приводится). Так что, коль скоро уж подвернулся столь удачный повод, устроим небольшой ликбез относительно жизнедеятельности покойного.

ЖИЗНЬ

Начать можно, пожалуй, с того, как писатель дезертировал с фронта. Как вы думаете, за что он был взят под стражу, осужден и отправлен в лагерь? Многие скажут, что невинно — стараниями Солженицына вся советская власть представляется как сплошная мясорубка, перемалывающая людей «десятками миллионов» и всех, разумеется, невинно. Тем временем факты таковы. Солженицын, будучи на фронте (служил в батарее звуковой разведки) в переписке с друзьями критиковал командование и оскорблял Верховного главнокомандующего советской армии.

Зачем? С какой целью? Он что, не знал, что вся военная почта перлюстрируется? Он что, не подозревал, что намеренно и открыто совершает преступление? Эти его попытки оправдаться «Не хватало все-таки ума сообразить...» (из интервью 1992 г.) — ну чисто детский лепет на лужайке. Разумеется, всё знал. Расчёт «совести нации» был — отсидеться в ГУЛаге, спасти свою шкуру. На фронте, знаете ли, и убить могут.

Для осуществления этой цели Солженицын подставил своих друзей — К.Симоняна и Н.Виткевича. У одного из них хватило ума в ответном письме резко не согласиться с его «взглядами», второй отмолчался. Но на следствии Солженицын заложил и оговорил всех. Абсолютно всех, кого мог. Виткевич у него «с 1940 г. систематически вел антисоветскую агитацию», Симонян — оканчивается, «враг народа, непонятно почему разгуливающий на свободе». Оговорил Солженицын и свою жену Н. Решетовскую, и школьную подружку, и даже на случайного попутчика в поезде не поленился составить обстоятельный донос. В итоге посадили только Виткевича, а насчёт Симоняна, критически отозвавшегося о Солженицыне, он потом мстительно сокрушался «Ах, жаль, что тебя тогда не посадили! Сколько ты потерял!».

В лагере Солженицын тоже неплохо устроился (такие приспособляются везде), в тепличных условиях став Ветровым, агентом лагерной оперчасти. Сам он в «Архипелаге» открещивается, что на кого-то доносил, лишь подписал согласие на сотрудничество, но над этим неуклюжей наивностью в голос хохочет любой оперативник: нет, стукачок, подписав бумагу, план доносов хочешь-не хочешь, а

выполнять будешь. В итоге на руках Солженицына кровь совершенно конкретных людей, на которых он донёс о готовящемся побеге, и документ просочился в открытую печать, а авторство подтверждено криминологами.

В России самым подробным исследованием биографии А.И. стала книга В.Бушина «Гений первого плевка». На Западе заметным событием стал выход книги «Без бороды» Франка Арнау. В многочисленных исследованиях раскрывается поистине удивительная история о том, как человек по фамилии Солженицын, с помощью обмана, подтасовок, лжи, подлости — слепил себе героическую биографию.

Его метод прост до изумления: это полное переворачивание фактов своей жизни на прямо противоположные. Все, что было в его жизни черным, он представляет как белое. Обличал жестокость сталинских лагерей, а сам был активным организатором жестокостей. Выступал против стукачества, а сам был штатным стукачом, погубившим своими доносами немало жизней. Источно кричал на весь мир, что надо жить не по лжи, а сам всю жизнь жил именно по лжи.

Впрочем, бог с ним — это всё так, не более чем выразительные штрихи портрета, кого сегодня интересуют его лагерные «подвиги» и жёны?

ТВОРЧЕСТВО

Я не буду подробно анализировать сомнительные художественные достоинства произведений «великого писателя», оставив этот труд специально обученным людям. Впрочем, как правило все сходятся на том, что единственное действительно стоящее произведение у автора — «Матренин двор». В ответ на просьбу назвать другие великие произведения поклонники «кумира» как-то мнутя.

Тем временем об «Архипелаге», который ради эстетического удовольствия не станет читать ни один вменяемый человек, литературные критики пишут примерно так:

«...Засев наконец читать проклятый «Архипелаг», я довольно быстро поняла, что именно меня поразило и вогнало в оцепенение несколько лет назад. Авторская интонация. Наверное, так разговаривают влюбленные в своих жертв маньяки... Собственно, самое жуткое в «Архипелаге» — специфическая подача текста. Никогда больше, какие бы книги мне ни доводилось читать, я не испытывала во время чтения такого сильного упадка сил, страха и отвращения.

...Решив стать великим русским писателем, Солженицын оседлал глагол и начал им чечь сердца людей. Но, как человек с высшим техническим образованием, остался верен цифре, поскольку был убежден, что буква несравнима с цифрой по силе воздействия. Когда же цифр много, буквы вообще заканчиваются.

Солженицын ...создавал «Архипелаг» не по архивным документам, а якобы по рассказам и воспоминаниям заключенных, прошедших сталинскую мясорубку. Но именно людей-то в «Архипелаге» как раз и нет. Единственный человек во всем этом безбрежном океане смерти — автор. Все остальное обрешивается на читателя списками, перечнями, номерами, косточками, мясом, трухой, ошметками человеческого сырья и кусками сырого текста.» (Ю.Пятецкая)

Стиль Солженицына — это гнилое графоманство, через которое продираешься, с трудом перебарывая корявые словечки солженицынского новояза, и натужно-нарочитые «славянизмы».

И вот ЭТО предлагается как можно больше изучать в школах? Родители, пощадите своих детей хотя бы из гигиенических соображений, но над этим неуклюжей наивностью в голос хохочет любой оперативник: нет, стукачок, подписав бумагу, план доносов хочешь-не хочешь, а

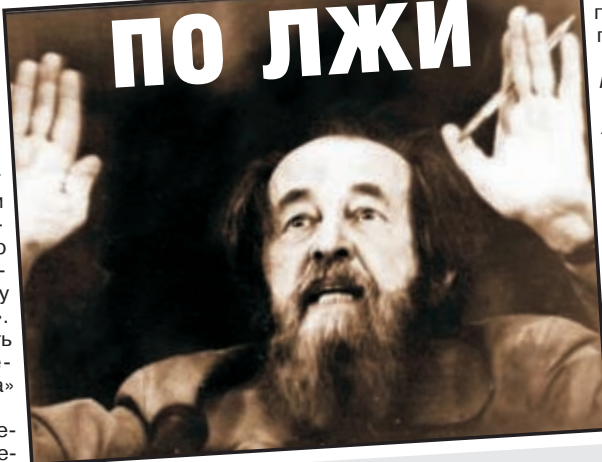
выполнять будешь. В итоге на руках Солженицына кровь совершенно конкретных людей, на которых он донёс о готовящемся побеге, и документ просочился в открытую печать, а авторство подтверждено криминологами.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Солженицын и правда был встречен писателями довольно тепло, но вскоре отношение к нему разительно переменялось. Твардовский, по началу проталкивавший в печать в «Новом мире» неизвестного доселе автора, потом говорил ему в глаза: «У вас нет ничего святого. Если бы зависело только от меня, я запретил бы ваш роман». Шолохов, великий Шолохов, который после прочтения первой повести просил Твардовского от его имени при случае расцеловать автора, позже писал... впрочем, об этом ниже.

Главным произведением А. Солженицына является «Ар-

ЖИЗНЬ ПО ЛЖИ

Отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым. А. Солженицын

хипелаг ГУЛаг». Сотканный из лжи, преувеличений, передергиваний и фантазий, он рисует чёрную историю Советского Союза, якобы построенного рабским трудом заключённых, и являлся одним из орудий главного калибра в войне «пятой колонны» со страной, войне, поддержанной Западом. Как потом с горечью признали честные диссиденты (но не Солженицын), той самой войне, в которой идиоты, по выражению А.Зиновьева, «целились в коммунизм, а попали в Россию».

В 1989 году, Горбачёв по требованию общественных деятелей открыл архивы НКВД для исторических исследований. Но когда результаты исследований группы Земскова, выполненные по подлинным документам, просочились в научные журналы, «демократическая общественность» внезапно совершенно потеряла интерес к архивам.

Почему? Потому что документы разрушили, как песочный замок, огромное награждение лжи о ГУЛаге. Не было никогда в нашей истории никаких «десятков миллионов», заточенных в советские лагеря. Не было немислимых жертв и миллионов невинно расстрелянных. Объекты промышленности строили свободные советские люди. А количество заключённых было совершенно нормальным даже для сегодняшних США — и это в смутное время коренной ломки и переустройства всей общественной жизни страны. Вся огромная глыба антисоветской пропаганды — дым, мираж, которой значительными усилиями придали правдоподобную личину из папы-маше.

Но дело уже сделано, мозги промыты. Истинная численность заключённых ГУЛага и условия их содержания не имеют значения для человека, в голову которого вбиты созданные Солженицыным антисоветские мифы.

Откуда брал Солженицын сюжеты для своих сказок? Возможно, основ-

ной их источник указал Л.Самутин, его товарищ, бывший власовец (то есть, служивший на стороне фашистской Германии), которому было доверено хранить от КГБ рукопись «Архипелага» в семидесятых годах.

Немного из биографии данного персонажа. В войну Леонид Александрович добровольно сдался в плен, а затем пошел служить в «Первый русский полк SS» под командованием п одполковника Гиля-Родионова. Поучаствовал в карательных операциях, а когда часть «эсэсовцев» по приказу своего командира перебила немецких офицеров вместе с наиболее одиозными немецкими ставленниками и, повязав и прихватив с собой пару крупных гестаповцев, ушла на соединение с партизанами, сумел сбежать и остаться при немцах. Потом был власовским вербовщиком в лагерях военнопленных, затем оказался на посту редактора одной из власовских газет...

Понятно, что от таких граждан нормальный человек будет держаться подальше. Тем не менее, отрубивший срок Самутин и Солженицын сблизились общностью взглядов на жизнь, историю и политику, и бывший власовец стал фактически соавтором некоторых страниц «Архипелага». Самутин на склоне лет, когда со страной уже случилось почти всё, о чём он мечтал, пишет:

«Могу добавить, что многие из приведенных там историй мне доводилось слышать в лагерях, да и не один раз, во многих вариантах. В ту пору мы обычно отмахивались от них, как отмахивается солдат в лазарете от попытки рассказать о случае, который, дескать, «был в нашем полку».

...Вспомнил свою собственную реакцию на эту странную книгу. Прочел первый том залпом и пришел в восторг. Не думайте, что я не заметил нелепостей и несуразностей, натяжек, искажения о фактов, выдумок и тому подобному. Кому-кому, а мне-то описываемое в рукописи было достаточно знакомо. Но я пришел в веселое, если не сказать победное настроение. «Так и надо! — мысленно восклицал я тогда. — Пусть опровергают! Пусть доказывают обратное! Комочки грязи все равно присохнут! Клевета, ну и пусть! Зато влепил А. И. им пощечину!»

Впрочем, моего энтузиазма хватило ненадолго. Быстро пришло похмелье. Сначала я подумал о многочисленных «достоверных данных», которых так много в этой книге. Боже, как они мне знакомы! Еще с тех времен, когда я занимался пропагандой во власовской армии и нас усиленно питали материалами из геббельсовского министерства пропаганды. Да и в вермахте не было батальонной библиотеки, в которой не валялись бы тощие брошюры о «большевистских зверствах». В них в разных комбинациях цитировались достижения безымянных гениев статистики, с предельной точностью знавших все о стране, где они никогда не были, ни с одним гражданином которой они не беседовали и о которой за всю жизнь не прочли ни одной путной книги. Великолепные «свидетельства жертв», которые поначалу показались мне горячим материалом, способным коечто запалить в этой стране, теперь приводили меня в бешенство. Кто поверит в эту «туфту»? Из каких шепотков на нарах, от каких жалких личностей слышал Исаич, а потом силой своего авторитета попытался возвести в ранг непреложной истины эти «открытия»?

Взять редчайший случай: Солженицын ссылается на документ (!), сталинский приказ № 0019 от 16.7.41... — но и тот оказался фальшивкой, сфабрикованной пропагандой вермахта.

Солженицын не скрывает своей симпатии к фашистам. «И если бы

пришельцы не были так безнадежно тупы и чванны, — сокрушается он в «Архипелаге», — ... вряд ли нам пришлось праздновать двадцатипятилетие российского коммунизма». Вот она, вся вина немцев — тупость и чванство. Кстати, вину на всех погибших в Великой Отечественной войне он возложил на... советское руководство, фактически обелив Гитлера. Но А.И. что фашизм, что империализм — лишь бы раздвигать Россию. Откровенной реакционной кликой стал Солженицын на Западе. Призывая Запад разрушить нашу страну, объявляя, что США напрасно мирились с существованием СССР вместо того, чтобы вооруженной рукой разгромить коммунизм.

В ужасе отшатнётся от злобного оскала Солженицына любой, кому небезразлична Россия — стоит только поглубже копнуть истоки его творчества и детали жизненного пути. Место в газете ограничено, поэтому в данном вопросе отправлю любознательного читателя хотя бы к книге Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой о деятельности А.И. написано достаточно подробно.

В свете всего этого могильной стынью холодного лицемерия веет от его показушных «гореваний» по поводу разрушения страны, для которого он сделал всё, что мог. Вернувшись в Россию, А.И. умудрился в одном выступлении совместить и стенания насчёт гибнущей первоклассной науки, промышленности, образования и проклятия в адрес 70 лет большевистского «забвения». Гражданин, вы шизофреник? Определитесь уж, чем был СССР, что же именно вы упоённо рушили.

Так же двулично выглядит и позиция нынешней власти. Как можно В.Путину, например, публично оценивать распад СССР как катастрофу для десятков миллионов сограждан и тут же превозносить деятелей типа Ельцина и Солженицына, которые её приближению отдали столько сил?

ШОЛОХОВ

Из письма М.Шолохова в Союз писателей СССР:

«Прочитал Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом».

Поражает — если так можно сказать — какое болезненное бесстыдство автора... Солженицын ...указывает со злостью и остервенением на все ошибки, все промахи, допущенные партией и Советской властью, начиная с 30-х годов.

Что касается формы пьесы, то она беспомощна и неумна. Можно ли о трагедийных событиях писать в опереточном стиле, да еще виршами, такими примитивными и слабыми, каких избегали в свое время даже одержимые поэтической чешоткой гимназисты былых времен! О содержании и говорить нечего. Все командиры, русские и украинцы, либо законченные подлые, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди...

Почему в батарее из «Пира победителей» все, кроме Нержина и «демонической» Галины, никемные, никудышные люди? Почему осмеяны солдаты русские и солдаты татары? Почему власовцы — изменники Родины, на чьей совести тысячи убитых и замученных наших, прославляются как выразители чаяний русского народа? На этом же политическом и художественном уровне стоит и роман «В круге первом».

У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне, что он — душевнобольной человек, страдающий манией величия. ...Если это так, — человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37-го года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям и молодым особенно.»

На свете немного людей, про которых лично у меня не найдётся ни одного доброго слова. К ним относится Солженицын. Как прозорливо сказал Александр Зиновьев, Солженицына надо не критиковать, а громить. Чтобы и следа не осталось от его подлого вранья в народной памяти.

К.Асташов